

Синяя дверь

Рывок вверх – и резко вниз, так что ноги на мгновение оторвались от сидения. Снова – вверх, почти солнышком, и – обратно, в невесомость.

На качелях Пашина голова сделалась пустой и легкой, ни одной мысли. До тех пор, пока взгляд не выхватил окна своей квартиры. Сквозь неплотно задернутые занавески желтым светила прикроватная лампа. Бабушка лежала там одна. В комнате пахло лекарствами и чем-то тошнотворным, человеческим. Идти домой было стремно. Трус!

Паша лупанул кулаком по основанию качелей.

– Ты лучше головой бейся! Так эффективнее! – хохотнул непонятно откуда взявшийся Темыч.

– Тебя не спросил, – огрызнулся Паша.

– Слушай, дело есть, – как ни в чем не бывало продолжил Темыч. – Заработать хочешь?

– Ну, допустим...

– Короче, тут один мужик предложил объявления клеить. Хорошо заплатит!

– Развод стопудово! – Паша махнул рукой. – Младше четырнадцати нигде не берут.

– Ну как знаешь, я тогда Серого позову. Он не откажется пятихатку срубить.

Пятьсот рублей – хорошие деньги, а Темыч умел уговаривать.

Мужик ждал на скамейке в глубине парка. Одет он был странно, как в старых фильмах про шпионов: в кожаный плащ до пола и шляпу. Мафиози! Паша чуть не заржал.

А ближе подошел – не по себе стало. Холодом повеяло, как на качелях. «Ну его нафиг», – подумалось.

Мужик рукой поманил. Глаза черные, как слепые. Лицо бычье, широкое, ноздри крупные. Вынул из кармана пачку объявлений, сверху пятьсот рублей положил.

Паша схватил, побежал. Следом Темыч со своей пачкой.

В конце аллеи остановились дух перевести. Мужик все так же неподвижно сидел на скамейке. Зажглись фонари, и Паше показалось, что тень от мужика была просто огромная.

– Ну, что я говорил! – Темыч помахал купюрой. – Вот она, моя прелесть!

В пачке среди одинаковых объявлений лежал листок с планом, на котором было отмечено, где их нужно расклеить. Район знакомый, объявления обычные: «Окна и двери. Быстро и недорого». И фотка синей двери. Может, бизнес у мужика?

– Ну что, каждый по своему маршруту, а кто первый закончит, звонит, ок? – предложил Паша.

Сначала он смущался клеить объявления. Зато работа отвлекала от мыслей о доме. Мама недавно призналась: бабушке недолго осталось. А сколько это – недолго, он не понимал. Ноги мерзли в кедах. Паша решил отложить заработанные деньги на новые кроссовки. Видел недавно классные со скидкой.

Когда осталось последнее объявление, Паша глянул на план и остановился от неожиданности: крестик стоял в середине пустыря, где никаких домов с роду не было. Только развороченные ничейные гаражи и кучи мусора. Идти туда не хотелось. Паша собрался позвонить Темычу, сказать, что закончил. Но зачем-то вдруг направился к пустырю.

– И где этот ваш дом? – бормотал он, светя под ноги телефоном. Звук собственного голоса успокаивал.

Через несколько минут город остался позади: шумел, переливался огнями где-то на границе с тьмой, внутри которой оказался Паша.

Спустя некоторое время он увидел очертания дома. Не высотки, как везде в районе, а небольшого, одноэтажного. Свет внутри не горел, отчего дом выглядел нежилым.

– Фу ты! Откуда он здесь взялся? – удивился Паша.

Он заметил, что дверь, перед которой он стоял, точь-в-точь, как на самом объявлении: синяя, деревянная. Провел по ней рукой: а ведь в бабушкином доме была такая же! Вот только бабушкин дом находился за три сотни километров отсюда, и его наверняка уже растащили на доски с тех пор, как бабушка заболела и переехала в город.

Паша нажал на ручку, услышал знакомый щелчок и шагнул за дверь. Тут же едва не споткнулся о брошенный велик – зеленый “Стелс” с погнутой рамой. Как у него в детстве. Справа от калитки – консервная банка с молоком для кота. Щедрые лопухи торчали из-под завалинки. Откуда лопухи в ноябре?

Что-то мягкое коснулось ноги. «Мяв!» Паша вздрогнул:

– Васька, ты?

Бело-серая кошачья морда с царапинами на носу утвердительно мявкнула еще раз и принялась лакать молоко.

Паша пересек двор и вышел в огород. Под полуденным летним солнцем оглушительно стрекотали кузнечики, пахло влажной землей и скошенной травой.

Он был готов поспорить на что угодно: продрогший город, школа, запах лекарств – это сон. А реальность – вот она.

Конечно, бабушка сидела на своем любимом месте! Под яблоней, на маленькой деревянной скамейке.

Она перебирала черную блестящую смородину.

Паша замер.

– На-ка, попробуй, – бабушка протянула ему пригоршню ягод.

От кислоты свело скулы. Ладонь была шершавая и теплая.

Бабушка пахла бабушкой. По-настоящему. Парным молоком и шерстяной пряжей.

Надо, наверное, ее о чем-то спросить...

Когда ягоды в ведерке закончились, бабушка поднялась, отряхнула фартук и приказала:

– Домой возвращайся. Как только дверь закроется, останешься здесь навсегда.

Паша бросился обратно. И вдруг увидел Темыча. Тот качался на старых широких качелях. Высоко вверх – и резко вниз. Рядом с ним сидела девочка. Ее распущенные волосы подлетали в такт качелям, опутывая их обоих светлым облаком.

– Представляешь, мне тогда сказали, что Соня умерла, а она жива! – закричал Темыч. Счастливая улыбка еле помещалась на его лице.

Дверь медленно закрывалась. Паша в последнюю секунду успел ее придержать. Снаружи было совсем темно, тянуло холодом с пустыря.

Мальчики переглянулись.

– Мы можем остаться здесь, – произнес Паша.

– А где это – здесь? Где мы находимся?

– Не знаю. Может, в параллельной реальности.

– Или в раю, – хмыкнул Темыч.

– Да ну тебя! Мы же живые!

– А те, кого мы видели, получается, нет?

У Паши кольнуло в груди: «Бабушка».

Он мотнул головой:

– Домой нам надо. Родители ждут. Ты готов?

Темыч кивнул.

– Тогда погнали!